

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК «ЧУЖАК»

БОРЗЕНКОВА Мария Андреевна

студент

Научный руководитель: ЧЕРНЫШЕВА Анна Владимировна

кандидат философских наук, доцент

Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана

г. Москва, Россия

Статья посвящена анализу искусственного интеллекта через концепцию «чужака», разработанную Г. Зиммельем. Показано, что ИИ воспроизводит ряд структурных характеристик фигуры чужака, включая сочетание включённости и дистанции, отсутствие укоренённости, посредническую функцию и представление об алгоритмической объективности. Вместе с тем выявляются методологические границы данной аналогии, связанные с отсутствием субъектности, эмоциональности и ответственности у ИИ.

Ключевые слова: искусственный интеллект, субъектность, «чужак», включённость, социальная дистанция, укоренённость.

Вопрос о месте искусственного интеллекта (ИИ) в современном социуме выходит за пределы инженерных и прикладных дискуссий. Он затрагивает фундаментальные философские проблемы – границы человеческого, природу субъективности, статус Другого. В этом контексте интересно рассмотреть концепцию «чужака» Георга Зиммеля.

В работе «Экскурс о чужаке» (1908) Г. Зиммель вводит одну из наиболее значимых аналитических категорий классической социологии – фигуру «чужака» как особую социальную форму. В отличие от обыденного понимания, чужак в его понимании не является просто внешним по отношению к группе индивидом. Напротив, его ключевая характеристика заключается в специфическом сочетании включённости и дистанции: чужак одновременно принадлежит группе и остаётся от неё отстранённым [4].

Автор подчёркивает, что «чужак» – это не временный гость и не случайный прохожий. Его положение определяется формулой «тот, кто приходит сегодня и остаётся завтра», что указывает на устойчивость присутствия при отсутствии органической укоренённости. Иными словами, «чужак» включён в структуру социальных отношений, но не связан с ней исторически, традиционно или аффективно в той степени, в какой это характерно для «своих».

Особое значение в анализе Г. Зиммеля имеет идея социальной дистанции. Чуждость не понимается как абсолютная инаковость, а

выступает как форма отношения внутри самой группы. Именно благодаря этой дистанции «чужак» приобретает специфические функции: он может выступать посредником, арбитром или носителем «объективного» взгляда. Его позиция позволяет ему быть менее вовлечённым в локальные конфликты, интересы и предубеждения, что делает его одновременно ценным и подозрительным элементом социальной структуры.

Важно также, что для автора «чужак» – это не психологический тип личности, а позиция в системе социальных взаимодействий. Один и тот же индивид может занимать или не занимать эту позицию в зависимости от контекста. Таким образом, «чужак» выступает как аналитическая категория, позволяющая описывать специфическую форму социальной организации, основанную на балансе близости и дистанции.

Искусственный интеллект сегодня глубоко интегрирован в социальные практики: он участвует в экономике, праве, медицине, образовании, формирует рекомендации, принимает решения, влияет на повседневные выборы. Однако, несмотря на эту функциональную включённость, он не является носителем человеческого опыта, сознания или ответственности. Он не «принадлежит» обществу в том смысле, в каком ему принадлежат люди. Таким образом, ИИ воспроизводит зиммелевскую фигуру «чужака» в новом измерении: это «чужак», не являющийся человеком.

Такая структура социальной дистанции у

Г. Зиммеля получает дальнейшее развитие при анализе отчуждения, тесно связанного с развитием денежного хозяйства и абстрактных форм социального взаимодействия. В «Философии денег» он показывает, что деньги разрушают традиционные связи, основанные на личной близости, происхождении и принадлежности к конкретной группе. Именно эта обезличенность делает денежные отношения универсальными: они не учитывают индивидуальные качества человека, его эмоции или социальный статус, а сводят взаимодействие к формальному обмену. Такая система одновременно расширяет свободу человека и усиливает дистанцию между людьми. Социальные отношения становятся всё более рационализированными, но при этом – более отчуждёнными [3].

Искусственный интеллект во многом воспроизводит эту логику. Подобно деньгам, ИИ действует как универсальный и обезличенный посредник, встроенный практически во все сферы социальной жизни. Алгоритмические системы также стремятся к формальной объективности, исключая эмоциональный и личностный контекст. При этом ИИ остаётся одновременно вездесущим и трудно локализуемым. Пользователь взаимодействует не с самой системой, а лишь с результатами её работы. Алгоритм оказывается одновременно везде и нигде конкретно. За кажущейся нейтральностью ИИ скрываются цифровые платформы, экономические интересы и механизмы обработки данных. Подобно тому, как деньги у Г. Зиммеля превращают человеческие отношения в абстрактный обмен, так ИИ переводит поведение, внимание и коммуникацию человека в цифровые данные, подлежащие вычислению и монетизации. Поэтому ИИ можно рассматривать как новую форму отчуждённого и безличного опосредования социальной реальности.

Развивая анализ, представленный в «Экскурсе о чужаке», можно более детально раскрыть совокупность характеристик, которые определяют данную социальную форму. Важно подчеркнуть, что речь идёт не о наборе личностных качеств индивида, а о структурной позиции в системе социальных отношений. Именно через эту парадигму «чужак» приобретает свои специфические свойства.

Прежде всего, его центральной характерис-

тикой является двойственность положения, выражающаяся в одновременном сочетании близости и дистанции. «Чужак» включён в повседневные взаимодействия группы, участвует в её жизни, но при этом сохраняет определённую отстранённость. Эта дистанция не устраняет его принадлежности, но делает её неполной. В результате возникает парадоксальная ситуация: чужак «свой», но не до конца, и «чужой», но не полностью внешний.

ИИ, подобно «чужаку», одновременно включён в социальные процессы и дистанцирован от них. Он активно участвует в коммуникации, управлении, анализе данных и принятии решений, однако остаётся внешним по отношению к человеческому опыту. Его «присутствие» в обществе носит функциональный характер: он действует внутри социальных систем, но не является их «членом» в антропологическом смысле. В этом смысле ИИ может рассматриваться как форма «искусственного Другого», существующего в нонантропных границах социальной реальности, как отмечает С.Г. Ушкин [6].

С этим тесно связано отсутствие органической укоренённости. «Чужак» не связан с группой через происхождение, родственные связи или длительную историческую принадлежность. Его присутствие не «вырастает» из внутреннего развития группы, а привносится извне. Именно поэтому его включённость носит более рациональный, а не традиционный характер: он входит в группу через функции, роли и обмены, а не через наследуемые формы солидарности.

ИИ не имеет биографической, культурной или исторической принадлежности. В отличие от человека, он не социализируется в традиционном смысле, не усваивает нормы через опыт жизни в группе. Его внедрение всегда является результатом внешнего конструирования и институционального решения. В этом смысле ИИ, как и чужак, «приходит» в социальную среду извне и остаётся в ней без органической связи с её прошлым.

Следующей важной характеристикой «чужака» является специфическая объективность. Благодаря дистанции от локальных норм, предубеждений и аффективных связей, он способен восприниматься как более нейтральный и беспристрастный участник взаимодействия.

Г. Зиммель подчёркивает, что эта объективность не означает отсутствия позиции, но связана с иной структурой вовлечённости: чужак не связан с частными интересами группы в той же степени, что её «коренные» члены.

Алгоритмические системы часто воспринимаются как более нейтральные и беспристрастные по сравнению с людьми. Это напоминает зиммелевское описание «чужака» как носителя «объективного» взгляда, обусловленного дистанцией от частных интересов группы. Как отмечает М. Ди Сальво, подобное восприятие связано с киберутопическими представлениями, в рамках которых ИИ наделяется качествами рациональности и объективности, выходящими за пределы его реальных возможностей [1]. Однако в случае ИИ эта объективность носит специфический характер: она основана не на социальной дистанции субъекта, а на формализованных процедурах обработки данных. При этом важно учитывать, что такая «объективность» может быть иллюзорной из-за встроенных в алгоритмы предвзятостей.

Из этого свойства вытекает функция посредничества. «Чужак» часто оказывается в роли медиатора – экономического, культурного или социального. Исторически такие позиции занимали торговцы, посредники, финансовые агенты. Их дистанция позволяла им устанавливать связи между различными группами, циркулировать между ними и обеспечивать обмен. Таким образом, «чужак» становится важным элементом социальной динамики.

ИИ сегодня также выступает в качестве универсального медиатора: он связывает пользователей с информацией (поисковые системы), регулирует коммуникацию (социальные сети), оптимизирует взаимодействие между различными институциональными акторами (например, в финансовых или логистических системах). Как и «чужак» Г. Зиммеля, ИИ оказывается в позиции, позволяющей ему циркулировать между различными социальными контекстами и обеспечивать их связность.

Ещё одной существенной чертой является амбивалентность доверия. С одной стороны, «чужаку» могут доверять именно потому, что он не включён в локальные конфликты и

не связан с частными интересами. С другой стороны, его своеобразность и отсутствие укоренённости вызывают подозрение. Это создаёт устойчивое напряжение: «чужак» одновременно воспринимается как надёжный и как потенциально опасный.

Однако на этом уровне сходства заканчиваются, и далее проявляются принципиальные различия, задающие границы аналогии. Прежде всего, это отсутствие субъектности. В отличие от «чужака», который остаётся человеческим индивидом с сознанием, намерениями и способностью к рефлексии, ИИ представляет собой техническую систему. Он не обладает внутренним опытом, не формирует целей в собственном смысле и не способен осмысливать своё положение. Следовательно, его «дистанция» не переживается, а лишь функционально воспроизводится. Схожую позицию занимает С.А. Дятлов, подчёркивающий, что даже высокоразвитые системы ИИ не устраняют различия между вычислением и человеческим интеллектом, связанным с опытом, сознанием и историчностью [2].

С этим связана и ограниченность аффективного измерения. «Чужак» у Г. Зиммеля находится в особом эмоциональном отношении к группе: он не полностью разделяет её чувства, но при этом включён в определённые формы аффективных связей. ИИ же не обладает эмоциями и не может быть участником эмоциональных структур. Даже в случаях имитации эмпатии (например, в чат-ботах) речь идёт о программной репрезентации, а не о реальном переживании.

Принципиально важным является то, что «чужак» – это структурная позиция, а не индивидуальное свойство. Один и тот же человек может быть «чужаком» в одной группе и «своим» в другой. Это подчёркивает аналитический характер категории: она описывает не сущность субъекта, а форму его включения в сеть социальных взаимодействий.

Наконец, существенным различием является вопрос ответственности. «Чужак» как социальный актор может быть субъектом ответственности за свои действия, даже если его положение остаётся маргинальным или дистанцированным. В случае ИИ ответственность принципиально распределена: она лежит на разработчиках, институциях и пользователях.

Сам ИИ не может выступать носителем моральной или правовой ответственности, что радикально отличает его от зиммелевского «чужака». В.Н. Назаров описывает данную ситуацию как проблему «искусственного зла», при которой негативные последствия возникают при отсутствии полноценного морального субъекта [5].

Таким образом, методологические границы применения концепта «чужака» к ИИ проходят по линии различия между структурной аналогией и онтологическим статусом. ИИ

может быть рассмотрен как элемент социальной структуры, занимающий позицию, сходную с позицией «чужака», однако он не является социальным субъектом. Признание этого различия позволяет сохранить аналитическую эффективность концепта Г. Зиммеля и избежать рисков антропоморфизма. Следовательно, применение зиммелевской концепции к анализу ИИ оказывается плодотворным в качестве инструмента структурного анализа, но не как основания для буквального отождествления ИИ с социальным актором.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ди Сальво, М. Искусственный интеллект и киберутопизм в правосудии. Почему ИИ – не интеллект; борьба человека за собственное выживание [Электронный ресурс] // Russian Journal of Economics and Law, 18(1). – URL: <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2024.1.264-279> (дата обращения 17.05.2026).
2. Дятлов, С. А. Пределы сингулярности: искусственный интеллект vs человеческий интеллект / С. А. Дятлов // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2025. – № 1. – С. 9-12.
3. Зиммель, Г. Избранное. Проблемы социологии / Г. Зиммель. – Москва; Санкт-Петербург : Университетская книга, Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 416 с.
4. Зиммель, Г. Экскурс о чужаке / Г. Зиммель // Социологическая теория: история, современность, перспективы. Альманах журнала «Социологическое обозрение». – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2008. – С. 7-12.
5. Назаров, В. Н. Феномен искусственного зла (о рисках моральной «квазипорочности» в развитии искусственного интеллекта) / В. Н. Назаров // Цифровая этика в научно-образовательных инновациях российского общества. – 2024. – С. 13-22.
6. Ушкин, С. Г. Чужаки и нонантропные границы: как конструируется «искусственный Другой»? / С. Г. Ушкин // Философия науки и техники. – 2025. – Т. 30, № 1. – С. 48-57.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS AN «ALIEN»

BORZENKOVA Maria Andreevna

Student

Scientific Supervisor: **CHERNYSHEVA Anna Vladimirovna**

Candidate of Sciences in Philosophy, Associate Professor

Bauman Moscow State Technical University

Moscow, Russia

The article analyzes artificial intelligence through the concept of "alien" developed by G. Simmel. It is shown that AI reproduces a number of structural characteristics of the outsider figure, including a combination of inclusion and distance, lack of rootedness, a mediating function, and the perception of algorithmic objectivity. At the same time, the methodological limits of this analogy are revealed, related to the lack of subjectivity, emotionality, and responsibility in AI.

Keywords: artificial intelligence, subjectivity, outsider, inclusion, social distance, rootedness.